

тической стоянки многочисленные остатки кремневого производства первобытного человека. Они говорят о том, что жизнь в районе Гнёздова — Смоленска началась за много веков до нашей эры.

Остатки неолитических орудий были обнаружены не только в курганах Гнёздовского могильника, но также и на территории Смоленска.

Можно предполагать, что Гнёздовский могильник, а также некоторые из городищ Гнёздовско—Смоленского куста возникли на местах бывших неолитических стоянок.

О жизни людей на территории Гнёздовского могильника говорят многие интересные находки. Так, например, в 1924 году около южного склона городища в иле обмелевшего озера (остаток бывлой заводи Днепра) найден топор, сделанный из темносерого кремня. В 1926 году там же был отыскан каменный топор-клин. Большой интерес представляют найденные в Гнёздове залежи известковых валунов. Несомненно, в глубокой древности человек добывал здесь кремь для изготовления орудий. Все кремневые орудия, найденные в Гнёздове, изготовлены из подобного сорта кремня.

Каменные орудия, найденные в Катинской неолитической стоянке (расположенной в десяти километрах от Гнёздова), тоже сделаны из такого же сорта кремня.

При раскопках Ольшанского городища в 1926 году были найдены следующие неолитические орудия: три кремневых скребка прекрасной ретуши, кремневый слегка изогнутый наконечник копья, кремневый наконечник стрелы, темносерые глиняные черепки с типичнейшим неолитическим ямочно-гребенчатым орнаментом, кремневые осколки и неорнаментированные черепки груболепеной посуды.

На территории Смоленска при рытье котлованов для строительства зданий найдено много предметов неолитической культуры. Большинство случайных находок было обнаружено на берегу Днепра у подножия Соборного холма. Около старой электростанции, выстроенной в 1900 году, обнаружен обломок кремневого топора. Сверлина топора книзу сужена и имеет желобки. Невдалеке от места первой находки через несколько лет нашли два гранитных клина и кремневые наконечники стрелы. Кроме того, каменные топоры, клин и наконечник стрелы из кремня найдены близ башни Веселуха и у ручья Малая Рачевка. Много и других находок неолитической эпохи собрано областным музеем, но, к сожалению, точно не определено, в каком месте Смоленска они были найдены.

Многочисленные предметы неолитической эпохи, обнаруженные на территории более поздних по времени славянских

поселений, дают возможность утверждать, что на месте поздне-неолитических стоянок возникли неукрепленные поселения и просуществовали до первых веков нашей эры. Жители этих неукрепленных поселений на территории Гнёздова и Смоленска были предками смоленских кривичей.

К V веку стали складываться племена кривичей, в том числе и смоленских. Памятниками их культуры и являются ранние городища, а также многочисленные курганы Гнёздова. О жизни обитателей ранних славянских городищ, подобных Гнёздовским, сообщают нам, кроме археологических памятников, византийские и арабские источники. Византийский историк середины VI века Прокопий пишет, что славяне отличались могучим телосложением, высоким ростом, большой силой. Это были стройные люди, русые, румяные и необыкновенно выносливые. Они легко переносили зной, холод и голод, пищей довольствовались самой простой, а в походах, когда не было возможности варить пищу, ели даже сырое мясо. Одевались они в длинные рубахи и холщевые шаровары. Иногда накидывали на плечи куски грубой ткани вроде плаща. Женщины носили длинную сорочку и широкое верхнее платье, напоминающее плащ, зимой надевали шубы и шапки, сшитые из шкур пушных зверей и животных. Обувались вначале в лапти, а потом научились делать и кожаную обувь.

Далее Прокопий пишет, что славяне храбры, великодушны, незлобивы, очень гостеприимны и считают за тяжкий грех обидеть гостя. Живут славяне в укрепленных поселках.

О славянах сообщает и византийский император Маврикий в своей работе «Стратегикон», написанной в самом начале VII века.

«Живут славяне, — пишет он, — в лесах, при реках, в болотах, при озерах — местах неприступных, живут они разрозненными племенами».

Далее Маврикий отмечает свободолюбие, храбрость, мужество наших предков, их великодушие и гостеприимство.

«Племена славян, — пишет Маврикий, — ведут одинаковый образ жизни, имеют одинаковые нравы, любят свободу и не выносят ига, рабства, повиновения. Они особенно храбры и мужественны в своей стране и способны ко всяким трудам и лишениям. Они легко переносят жару и холод, и наготу тела, и всевозможные неудобства и недостатки. Очень ласковы к гостям и чужеземцам, о безопасности которых заботятся больше всего: провожают их от места до места и считают священным законом, что сосед должен мстить соседу и итти на него войной, если тот по своей беспечности вместо охраны допустит какой-либо случай, где чужеземец потерпит несчастье».

Радушно встречая чужеземцев, явившихся к ним в гости или желающих завязать с ними торговые или культурные отношения, оказывали им знаки внимания, как дорогим гостям. Наши предки в то же время беспощадно расправлялись с теми, кто пытался прийти к ним с мечом или кто посягал на их свободу и независимость. От обычного их добродушия не оставалось и следа: разгневанные наглым вторжением врага, славяне брались за оружие и наносили ему страшные удары.

Во время войны, рассказывает Маврикий, славяне бываю чрезвычайно изобретательны. Они заманивают напавшего на них врага в непроходимые леса, неприступные ущелья, в темные овраги, устраивают там засады, внезапно нападая на неприятеля и одерживая верх даже над сильным врагом. Умело ловко притворным бегством заманить неприятеля в лесную глушь и там, скрываясь за деревьями или прячась в гуще их, поражали врага стрелами, наконечники которых намазывали ядом. Поэтому Маврикий рекомендует своим полководцам не углубляться в лес, считая это гибелью для войска. Но славяне умели устраивать засады и на равнине, и даже в реках.

«Величайшее их искусство, — пишет Прокопий, — состоит в том, что они умеют прятаться в реках под водой. Никто другой не может оставаться так долго в воде, как они. Часто, застигнутые неприятелем, они погружаются на дно реки и лежат там долго и дышат с помощью длинных тростниковых трубок, коих одно отверстие берут в рот, а другое высовывают на поверхность воды, и таким образом укрываются неприметно на глубине. Кто даже заприметит эти трости, тот, не зная такой хитрости, сочтет их самородными». Когда же враги проплывают мимо на ладьях или проходят берегом, не замечая спрятавшихся славян, те выскакивают из засады и внезапным ударом наносят поражение врагам.

«В бой они ходят по большей части пеши и лат никогда не носят, — замечает Прокопий. — Иные без рубах и, не имея другого одеяния, в штанах вступают в сражение. Каждый вооружается двумя копьями-дротиками, иногда носят щиты весьма крепкие, но очень тяжелые, которые трудно переносить. Употребляют также деревянные луки и легкие стрелы, напитанные очень сильным ядом».

О силе и храбрости наших предков говорят и арабские источники. «Славяне, — говорит арабский писатель, — народ столь могущественный и страшный, что не будь они разделены на множество поколений и родов, ни один народ в мире не померялся бы с ними силою».

Разгромив врага, славяне бывали с пленниками великодушны, не убивали их, не издевались над ними.

«Пленники у славян, — сообщает Маврикий, — не так, как у прочих народов, не всегда остаются в рабстве, но определяется им известное время, после которого, внеся выкуп, вольны или возвратиться в отечество, или остаться у них друзьями и свободными».

Византийского императора поражает, что пленников славяне не делали рабами. Не понимал византийский рабовладелец, что у славян в то время были родовые отношения, когда люди жили небольшими родами. Все члены рода были связаны узами родства, коллективно производили, коллективно распределяли приобретенное. Частной собственности, классов, государства у них в то время не было. Роды объединялись в племена. Экономические связи, а также войны с сильным врагом заставляли славян объединяться в большие союзы племен.

Основной экономической и общественной организацией у славян был род, о котором говорят археологические памятники, русские летописи и сказания иностранцев. Указанные источники отмечают, что у славян в VI—VII веках нашей эры был отцовский род, то есть во главе рода стояли взрослые мужчины, руководимые родоначальником-патриархом. Родоначальник — глава рода — имел большую власть: он и организатор хозяйства, и судья, и жрец, и даже военачальник. Род, как отмечалось выше, занимал небольшое, но хорошо укрепленное по тому времени поселение, так называемое городище. На площадке городища стояло восемь-десять рубленых изб, соединенных между собой крытыми переходами. В этих избах жили семьи, возглавляемые отцом. Поэтому эти семьи и получили название отцовских семейств. Избы были окружены хозяйственными постройками. В центре построек была изба патриарха-родоначальника, около которой собирались на собрания главы семейств, входившие в род.

День в городище, занимаемом родом, начинался рано утром. Едва только поднялось солнышко, родоначальник уже на ногах, он будит своих сородичей и распределяет между ними работу. Одним мужчинам — отцам двух-трех семейств — он приказывает идти поднимать новь, пашню. Они безоговорочно берут железные мотыги и железные топоры и отправляются в лес. Земледелие у северных славян, как справедливо указывает П. Н. Третьяков в работе «Сельское хозяйство и промыслы», было подсечным. Лес рубили, сжигали. Посевы производились прямо в золу. Топор и мотыга нужны были для выкорчевывания корней и разрыхления земли в тех местах, где она еще не вполне прогорела. Для заделывания почвы служила деревянная борона-«суковатка». Работали без помощи рабочего скота — вручную.

Другим мужчинам родоначальник приказывал идти ловить рыбу — те берут рыболовные снасти. Рыбу ловили, судя по находкам в Гнёздовском городище, крючками, острогами, сетями, от которых сохранились грузила и поплавки.

Третьим родоначальник поручает добывать мед от диких пчел. Мед и воск тогда добывались исключительно от лесных пчел. Добыча меда от лесных пчел называлась бортничеством. Бортью тогда называли дерево с дуплом, заселенным пчелами. В Гнёздовском городище обнаружены комки воска от сот, а в курганах — особые железные шипы, которыми пользовались бортники для лазания на деревья. Шипы привязывались к ногам.

Остальных мужчин глава рода посылает охотиться. Славяне охотились с помощью рогатины, топора, лука со стрелами. Ходили на тура, кабана, медведя, на мелких зверей — бобров, куниц, соболей, лисиц, зайцев и птиц. Охотились с помощью сетей, тенет, капканов и других ловушек.

Наконец, последней группе мужчин родоначальник приказывал пасти скот и делать различные хозяйственные постройки. Распределив работу между отцовскими семьями, родоначальник в течение дня следит за порядком в поселке.

Но вот день близится к концу. Со всех сторон стекаются к городищу люди. Родоначальник их встречает. Каждый отчитывается в том, что он сделал. Охотники передают родоначальнику убитую дичь. Рыболовы сдают свой улов. Пчеловоды приносят мед. Земледельцы сообщают о результатах своей работы. Всё добытое поступает к родоначальнику, он потом распределяет все поровну между всеми отцовскими семьями. Вечером родоначальник собирает глав семейств на собрание — вече. На нем обсуждались все дела рода.

В свободное от работы время любили наши предки и повеселиться. Они пели песни, играли, водили хороводы, плясали. Издавна были известны у славян музыкальные инструменты: сопель (рожок), гусли, бубен.

Браки внутри рода и племени были запрещены. Жен себе кривичи в это время похищали в других племенах. Эта форма похищения женщины получила название «умыкания». Свадебные обряды, в том числе обычай похищать или покупать себе жен, долгое время бытовал у крестьян Смоленского уезда.

Известный этнограф В. К. Добровольский в «Смоленском этнографическом сборнике» описывает эти обычаи, в том числе игру в похищение невесты. Девушка с женихом идет до околицы, здесь жених вместе со своими родственниками хватает невесту, несет в сани и быстро уезжает. За ними —

погоня. Проскакав два-три километра, похитители невесты и погоня встречаются, поворачивают лошадей и едут пировать в дом невесты. Позднее женщины стали выменивать на предметы, покупать в других племенах. Женщина, насильно приведенная в чужой род, теряла свои бывшие права и превращалась в зависимого от мужчины человека. От этого власть главы семьи еще больше увеличивалась. К именам детей стали прибавлять имя и фамилию отца, появляется отчество у людей.

Был в почете обычай родовой мести. Если кому-нибудь в роду наносилась обида, то сам обиженный или его родичи должны были непременно отомстить обидчику или его родне. Действовало правило: «око за око, зуб за зуб». Позорным считалось не отомстить обидчику. Поэтому у наших предков беспрестанно совершались кровавые расправы, и долго отдельные роды, нередко и племена, враждовали между собой. Это ослабляло силы славян и давало возможность врагам нападать на славянские племена и безнаказанно грабить некоторые из них.

Как было сказано выше, роды объединялись в племена. В центре племени обычно было древнее городище, от которого отпочковались роды. В центральном городище находилось общеплеменное святилище, общеплеменное кладбище. Здесь же происходили и общеплеменные собрания мужчин отдельных родов и общеплеменные праздники. Высшим органом власти было собрание мужчин племени. Оно являлось законодательным, судебным и контролирующим органом, имело право принятия в племена новых членов, право избирать и смещать старейшин.

Народное собрание племени называлось вече. На нем каждый мужчина мог брать слово и выступать с предложениями. Голосование происходило поднятием руки или путем подачи голоса (криком). В промежутках между племенными собраниями заседал совет старейшин, состоявший из родоначальников. Все текущие дела, связанные с жизнью племени или отдельных родов, решались на совете старейшин. Кроме того, совет старейшин подготовлял проекты решений по важнейшим делам, выносимые затем на общеплеменное собрание.

Таким образом, археологические памятники, записки современников, летописи подтверждают, что к середине первого тысячелетия нашей эры в верховьях Днепра, Западной Двины и Волги у славян господствовали патриархально-родовые отношения.

«Отцовская семья, род, племя — таковы формы общественной жизни славян в лесной полосе Восточной Европы». В

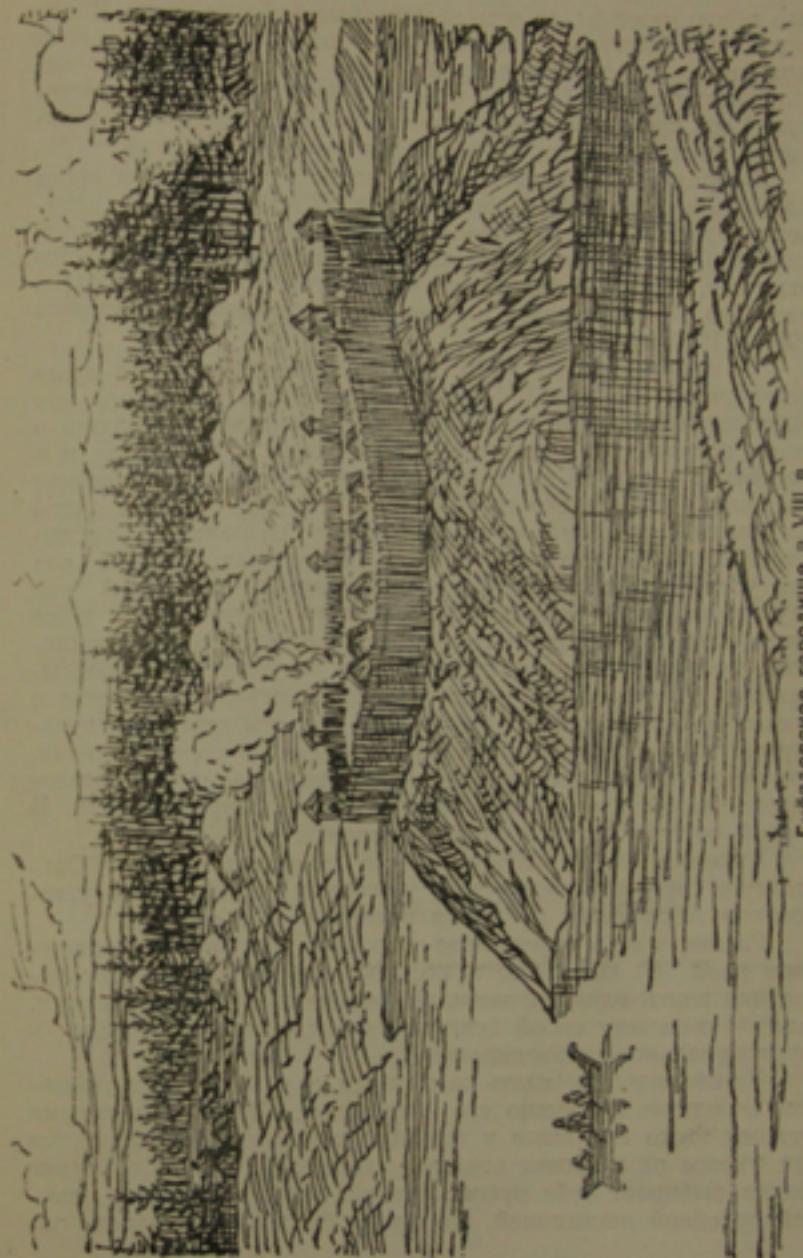
то же время приведенные материалы свидетельствуют, что обитатели Смоленска, как и все остальные славянские племена, нигде не приходили и нигде не уходили, если не считать местных передвижений в районе Верхнего Днепра, Волги и Западной Двины с того момента, как их застала история. Здесь, в Гнёздове, у первых поселенцев зарождаются родовые отношения, здесь же у них сложились отчетливые формы родового строя. Окрепшие связи между родами у древнейших жителей Гнёздова привели к образованию племен. Дальнейшие экономические, культурные, военные связи приводят к созданию союза племен. Во главе союза племен встало одно из самых древних племен этого союза. Оно подчинило своему экономическому и культурному влиянию другие племена, входившие в союз. Кудьгура, язык этого племени стали общеплеменными. Союз племен к VI веку превратился в обширное племя кривичей, вероятно названное по имени племени объединителя. Предки кривичей и являлись древнейшими обитателями Смоленского района.

ПОСЕЛЕНИЯ ВОЕННО-РОДОВОЙ ЗНАТИ

Городища принадлежат разным временам. Установлено, что ранние смоленские городища были местом поселения патриархальных родовых общин. Площадки таких городищ небольшие, на них жили незначительные человеческие коллективы численностью в 60—80 человек. Укреплены подобные городища слабо, чаще всего была естественная защита в виде рек, болот, озер. Топографически эти поселки возникли на стрелках рек, на мысах, при разветвлении оврагов. Предметы, найденные в ранних славянских городищах, повествуют о том, что жители занимались охотой, скотоводством, земледелием, рыбной ловлей, бортничеством и домашним ремеслом. Об этом говорят обнаруженные глинобитные площадки былых жилищ, сельскохозяйственный инвентарь, очаги, орудия охоты, рыбной ловли, бортничества, кости домашних и диких животных. Иные находки обнаружены в культурном слое городищ VIII—IX веков. Эти материалы рассказывают о разложении родовых общин, появлении частной собственности, классов и, наконец, государства.

Переход от раннего городища к хорошо укрепленному поселению военно-родовой знати довольно хорошо выяснен археологами, исследователями Гнёздова.

Установлено, что Ольшанское и Гнёздовское городища в VIII веке переоборудуются. Расширяется площадка городища. Вновь насыпан более высокий вал, углублен ров. В дно

Гнёздовское городище в VIII в.

рва вбиты на долбы, то есть заостренные дубовые колья. Внизу вала были выступы, эти выступы были также укреплены кольями и присыпаны землей. Они предназначались для укрепления вала. На валу был поставлен деревянный частокол. Есть предположения, что частокол был двойной, в некоторых местах имелись бойницы для стрельбы из лука.

В городище входили по деревянным мостикам. Они легко разбирались; имелись ворота, легко закрываемые при нападении врага. Скаты городища были прикрыты обожженной глиной. В. И. Сизов в своей работе о Гнёздовском могильнике отмечает, что вал Гнёздовского городища насыпался несколько раз. Это же отмечается в дневниках раскопок городища 1926 и 1935 годов.

Во время раскопок 1935 года работники областного музея установили, что вал Гнёздовского городища насыпался три раза: первый раз при устройстве первоначального городища и затем позднее, при расширении укрепления в VIII веке, и в последний раз в IX веке. Это же отмечается и в дневнике раскопок Ольшанского городища в 1935 году. Так, в одной из траншей, прорытой в северной части Ольшанского городища, обнаружено, что «вал дважды насыпался: первый раз при устройстве первоначального городища, а второй раз спустя некоторое время». Несколькими страницами ниже автор дневника опять подчеркивает, что «городище укреплялось дважды. Так, во второй раз был углублен ров и подсыпан вал и поставлена новая деревянная ограда». И далее в дневнике отмечается: «С внутренней стороны городища культурный слой Ольшанского городища идет до середины вала, до частокола, который не сохранился, внизу — зола и гнилое дерево, затем идет первая насыпь, потом вторая насыпь. В первой от низа насыпи найдены черепки...»

Археолог И. С. Абрамов тоже утверждает, что Ольшанское городище насыпалось несколько раз. Это было установлено Абрамовым во время раскопок 1905 года.

Расширение и укрепление городищ связано с разложением рода и выделением военно-родовой знати. Военно-родовая знать ряда городищ, но одного и того же племени, заключает между собой военные союзы, а это приводит к территориальному объединению.

Договорившись, знать поселяется в одном более удобном городище и хорошо его укрепляет. За укрепленными стенами этого городища у военно-родовой знати сохраняется еще многое от прежних родовых отношений. Общее собрание воинов выбирает себе руководителей, оно же является высшей судебной инстанцией. Но право быть избранными за-

крепляется только за лицами, живущими в городище, главным образом за военно-родовой знатью. Ф. Энгельс в своем труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства» пишет:

«Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, в фратрии, в племени, а весь родовый строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, и соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа».

В общем, складываются такие отношения, которые у Энгельса называются «военной демократией». «Военной потому, — пишет Ф. Энгельс, — что война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни... Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом».

И таким промыслом стала заниматься военно-родовая знать. Представители военно-родовой знати выезжают за данью в селища и небольшие городища. Объединенные в большие отряды представители военно-родовой знати силой оружия заставляют рядовых общинников, живущих в округе, платить дань, попросту — грабят. Вначале награбленное отряды военно-родовой знати свозили в городища для удовлетворения потребностей своих семей, челяди, а потом, с развитием великого водного пути, большая часть награбленного стала продаваться и обмениваться на заморские товары.

Торговое значение древних городов несомненно. Именно в городах создавались военно-торговые дружины, вооруженной рукой собиравшие местное сырье и доставлявшие его на иноземные рынки взамен серебра, оружия, украшений, тканей и других предметов роскоши.

Развитие торговли усилило первичную эксплуатацию со стороны военно-родовой знати и повлекло за собой столкновение отдельных её групп, живущих в различных городищах. Небольшие и наиболее слабые городища захватывались и разрушались, материальные ценности переходили к победителям и от этого большие городища вырастали и все более укреплялись.

«Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов в их рвах зияет могила родового строя, а

их башни уже упираются в цивилизацию», — говорит Энгельс.

Так сложились большие городища — центры поселения военно-родовой знати, будущие центры славянских государств.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ НАХОДКИ В БОЛЬШИХ КУРГАНАХ

Большинство найденных в городищах и в больших курганах Гнёздовского могильника предметов говорит о том, что в VIII—IX веках основными обитателями Гнёздовского городища были представители военно-родовой знати, широко ведущие торговлю с арабами, греками и варягами. Литературные источники дают представление о типах купцов-воинов, собиравших силою дань с местного населения, живущих главным образом в селищах. Затем они свозят дань за укрепленные стены городища и дожидаются приезда арабских и византийских купцов с тем, чтобы все собранное обменять на иностранные товары.

Часто военно-родовая знать и сама отправлялась в путь-дорогу по рекам Волжского и Днепровского водных путей. Плыли в ладьях, груженных данью, собранною с подчиненного населения. Далекий был путь, но возвращаясь, купцы-воины везли в ладьях византийские или арабские товары.

О жизни, богатстве таких воинов-купцов мы можем составить полное представление по раскопанному В. И. Сизовым большому кургану. Вера в загробную жизнь мертвеца заставила кривичей класть в могилу умершего многие из его вещей, которыми он пользовался при жизни и которые ему принадлежали. Могила, по представлению кривичей, — это жилище усопшего, поэтому умерший должен жить так же, как жил на «этом свете».

В курганах исследователи находят предметы, которые отображают не только религиозную сторону погребения, но и определяют социальное лицо умершего, а также общественные и хозяйственные условия того времени.

Курган, раскопанный Сизовым, по своим размерам и богатству инвентаря может уступить только курганам около Чернигова — «Гульбище» и «Черная могила», — раскопанным ученым Д. Я. Самоквасовым, в которых также было обнаружено погребение представителей военно-родовой знати.

Большой курган, раскопанный В. И. Сизовым в 1885 году, находился в юго-западной части центрального могильника на самой вершине холма, несколько на северо-запад от возвышающихся до сих пор нескольких больших курганов,

Меч и шлем на костре кургана.

частично раскопанных. Высота кургана превышала девять метров, окружность основания — свыше 103 метров. Вокруг кургана — широкая выемка земли. Склоны кургана очень круты. С южной стороны имелся вход. При раскопках обнаружено, что кострище было в двух метрах от поверхности земли. Оно состояло из толстого слоя золы, угля и жженных костей. Все это лежало на тонком слое белого, но местами покрасневшего от огня песка и занимало большую серединную площадь кургана.

В южной стороне кургана оказалась небольшая выровненная площадь на одном уровне с кострищем, обставленная вокруг небольшими валунами, возле которых лежали большие куски обгорелых бревен.

«На самой площадке, — пишет В. И. Сизов в книге «Курганы Смоленской губернии», — под слоем желтого песка прежде всего была найдена большая железная бляха от щита (умбон) с отверстием, обращенным книзу, непосредственно под этой бляхой обнаружены другие вещи, заботливо сгруппированные в одну кучу в известном порядке».

И дальше:

«Окрашенный в красный цвет щит прикрывал следующие вещи: передвинутые с кострища большой железный меч, копье, горшок, брошенный вверх дном, битую тарелку с изображением дракона, скелет молодого барашка, кости спинного хребта барашка покрывали расписную тарелку, далее шлем с бармицей (кольчужка из бронзовых колечек), к шлему прилипли черепные кости. В песке и в золе вблизи этих вещей и под вещами было найдено множество маленьких слитков серебра и золота».

Кроме упомянутых предметов, как указывает Сизов, в слое кострища большого кургана еще найдено много бронзовых пряжек и блях и много других вещей.

Не менее интересные находки были сделаны археологом Д. А. Авдусиным в 1950 году. Раскопанный им курган в центре могильника имел до пяти метров высоты. На вершине кургана было обнаружено свыше тридцати более поздних погребений. В яме, выкопанной в грунте земли, под насыпью кургана найден длинный меч без ножен, золотая плетёнка, сплетенная из очень тонкой, круглой в сечении, золотой нити, свитой спирально и сложенной вдвое; золотых нитей найдено много. Все это остатки от золотого шитья с одежды погребенных.

В Гнёздове до сих пор известна легенда о том, что в одном из курганов зарыт золотой баран. Эта легенда свидетельствует о том, что в древности вместе с умершим клали

убитого барана. О том, что баран был ритуальным животным, говорит найденная Д. А. Авдусиным в кургане центральной группы небольшая бляшка, изображающая фигуру барана (козла).

Весьма интересные находки сделаны им в большом кургане лесного могильника. Там найден набор серебряных пластинок и золотая византийская монета. На одной стороне монеты погрудное изображение императора Феофила (829—842 годы), с другой — отца Феофила — Михаила II и сына Феофила — Константина. Монета служила украшением, имела золотое ушко, посредством которого привешивалась к монисто.

Вместе с дорогими предметами в больших курганах находят массу костей. Установлено, что с умершими вонными дружинниками на костре сжигались подневольные люди — рабы и рабыни. Это отмечает В. И. Сизов:

«Количество жженных костей значительно превышает то количество, которое могло получиться от сожжения одного скелета, и встречается в обыкновенных курганах... На основании характера нескольких вещей можно думать, что в числе сожженных в курганах покойников находилась и женщина: на это указывают найденные в кострище бусы и часть мелкого головного убора».

К такому же заключению приводят предметы из раскопок М. Ф. Куцинского, С. М. Соколова, С. И. Сергеева, И. С. Абрамова, а также раскопок, организованных Смоленским областным музеем в 1935 и 1950 годах. В отчете М. Ф. Куцинского отмечено, что встречались курганы, в кострищах которых находилось по три горшка, причем жженные кости в этих горшках можно отнести к разным лицам. На кострище также встречалось большое количество жженных костей.

При раскопках одного большого кургана М. Ф. Куцинский обнаружил следующее. Около центрального горшка с сожженными костями вооруженного воина с одной стороны находился вонзенный в землю железный меч, с другой — копье. Меч имел рукоятку с серебряной оправой. Рядом с копьем стояли два других горшка с пережженными костями, а около них были обнаружены железные скобки, ожерелье, ножницы, шипчики и другие предметы. Все это дает основание утверждать, что двое сожженных были убиты во время похорон воина и погребены вместе с хозяином, чтобы обслуживать его «на том свете». В лесном могильнике в одном из курганов археологом Д. А. Авдусиным в 1950 году было обнаружено погребение воина и женщины, вероятно рабыни.

Такое же погребение им найдено и в другом кургане лесного могильника, а также в большом кургане центрального могильника.

Не менее интересные находки были сделаны И. С. Абрамовым в 1905 году. Раскопки ученый производил ближе к Ольшанскому городищу, на правом берегу Днепра. В одном большом кургане на большой глубине было обнаружено большое кострище, на нем главное место занимал значительных размеров медный помятый котел, отчасти обтянутый мехом. Котел тонкостенный, из четырех листов, спаянных зубцами и закрепленных полосками, дно выпуклое, связанное со стенками зубцами, но не по ребру, а близ него на днище; сверху медный, сравнительно толстый обруч, склепаный в двух местах, на который напущен изнутри короткий рубчик; ушки медные, дужка железная, широкая. Внутри котла лежали пережженные кости, часть кольчуги, а по верх — много сохранившейся рыбьей чешуи. Снаружи котел был обтянут мехом. Неподалеку от котла найдены три горшка с пережженными костями.

На площадке кострища, кроме того, обнаружена целая коллекция предметов: сложенная в узел кольчуга, набор железной оковки, заклепки, гвозди, железная гирька, медный ключ, подвешенный на кольцо, обломок тяжелого ключа, остатки золотой ткани, кости жертвенного петуха, лисицы, барана.

В других местах кострища найдены разнообразные вещи со следами пребывания в огне; чаще встречались железные гвозди, медные бляшки и гирьки. По находкам можно установить, что в этих курганах были сожжены вместе с господином рабы и рабыни. Чаще всего в больших курганах, в которых были погребены также представители военно-родовой знати, находят остатки женских погребений, вероятно рабынь, так как похороны знатных женщин совершались отдельно в кургане.

ОПОЛОЖЕННАЯ ЧЕЛЯДЬ

О совместном погребении дружинников с женщинами-рабынями рассказывают раскопки С. И. Сергеева.

Во всех больших курганах встречаются двойные или тройные погребения, находятся мужские и женские вещи.

У славян, как и у всех других народов, первой формой деления на классы было общество, основанное на рабстве. «Рабы и рабовладельцы — первое крупное деление на классы», — указывает В. И. Ленин. Это же подчеркнул И. В. Сталин. Он указал, что «все народы прошли стадию

Большой курган, раскопанный в 1931 году.

Вот кольчуга!

рабства». Верно, у славян рабство не было классически выражено, как в античном мире, но как уклад рабство продолжало существовать и в Киевской Руси.

«Восточные славяне не довели у себя рабство до его высшего развития, ни до античного рабства, ни до восточного домашнего рабства», — говорят К. Маркс и Ф. Энгельс.

Лица, захваченные в плен во время очередного похода знати, превращались в челядь (слуг). Челядь прислуживала дружиннику, членам его семьи и вела домашнее хозяйство. Лишняя челядь могла быть продана в рабство восточным купцам. В сельском же хозяйстве и ремесле основными производителями оставались свободные общинники, смерды, как называют их летописи, но принужденные платить дань знати. Представители такой челяди и вынуждены были идти на костер вместе с умершим господином. Вот почему в курганах вместе с оружием находят кости убитых челядинцев.

Это подтверждают и материалы раскопок 1935 года.

Главные раскопки в 1935 году происходили в центральном могильнике на правом берегу реки Свинца, недалеко от городища. Из раскопанных семи курганов обильный материал найден в высоком кургане, неподалеку от большого кургана, раскопанного Сизовым. На самом грунте обнаружено двойное погребение мужчины и женщины. Часть пережженных костей помещена в горшок. Во втором горшке (без верха) тоже были жженные человеческие кости. На кострище найдены железные наконечники стрел, находившиеся в колчане. Следов лука не осталось, но он, безусловно, был положен вместе с умершими. Кроме того, найдены остатки железной оковки и небольшие гвоздики от прибитой к щиту шкуры, которая была натянута на деревянной основе, железный нож, железные колючки, может быть, от кольчуги, и другие предметы вооружения дружинника. Вместе с этим найдены мелкие украшения: бусы, остатки костяного гребня, поясные пряжки, бронзовые украшения, бронзовые застёжки. Вокруг этого довольно большого кургана находилось несколько маленьких, три из них были раскопаны раньше.

Один из уцелевших курганов был раскопан в 1935 году. В центре кострища нашли кучу слабо пережженных костей мужчины и обломки железного котла. Сожжение происходило где-то на стороне, откуда и была перенесена сюда часть костей. Ясно, похоронен подневольный человек.

Часто в Гнёздовском могильнике встречаются большие курганы, окруженные со всех сторон невысокими маленькими курганами. В больших курганах похоронены воины-витязи, а в маленьких курганах — рабы и животные. При этом кости

Курганы Ольшанского могильника, раскопанные в 1935 году.

рабов погребались или просто в ямках без горшков, как и кости лошадей или собак, или в горшках, но почти без всякого инвентаря. Об этом свидетельствует Сизов. Он отмечает, что в разрытом маленьком кургане около большого (описанного выше) «найден целый скелет лошади, слегка обгорелый, и жженые кости». Возможно, что в этом кургане вместе с лошастью погребены и рабы. Это же можно проследить по раскопкам 1935 года восьми курганов в лесном могильнике. В одном большом кургане были сожжены мужчина и две женщины. На кострище найдены три целых и несколько обломков разных горшков. В горшках находились пережженные кости, а вокруг — остатки различных вещей. Всего было найдено до 200 разных предметов, пережженных и непережженных огнем. В числе их — оковка щита и железные гвозди в виде кнопок, которыми была прибита шкура к деревянной основе щита, железные гири от карманных весов со следами сильного огня, бронзовые фибулы, железные шилья, остатки костяного гребня с бронзовой оковкой, бронзовые и серебряные женские лунообразные подвески (луницы), бусы сердоликовые, хрустальные, стеклянные, позолоченные, маленький пережженный перстень. В дневнике отмечается, что «сожжено несколько человек: мужчина и не менее двух женщин и девочка. Все они были сожжены на месте кургана». Вокруг этого кургана находилось 20 мелких курганов. В одном из уцелевших курганов, «очень небольшом по размерам, — отмечается в дневнике, — выявлено трупосожжение. На огнище найдены сожженные кости и три горшка, в одном из них помещались кости убитой рабыни; около этого горшка найдена только стеклянная буса».

В другом кургане, который тоже находился среди малых, также найдено трупосожжение воина и двух подневольных (найжены три горшка), в их числе женщина. Около большого гончарного горшка из красной глины с волнистым орнаментом найдено вооружение витязя и предметы торговли (гири, скобки от шкатулки и другие предметы). Кроме этого, обнаружен сплав серебра, бронзовый слиток с цепочкой и другие предметы украшения; около второго горшка, который находился на южной стороне кургана, — кости и бусы.

Подобный же комплекс курганов — большого, где похоронен господин, и маленьких, окружающих большой, где похоронены убитые рабы, — имелся и в Ольшанской группе курганов, раскопанных в 1935 году.

Следовательно, в больших курганах были погребены воины с убитыми во время погребения женщинами-рабынями. Доказательством того, что покойника-воина сопровождала не сво-

бодная жена, а рабыня-наложница, служит наличие сопроводительных погребений только в богатых курганах. В Гнёздове есть много курганов, в которых обнаружены погребения свободных женщин. Их хоронили с соблюдением всех тех же обрядов, что и мужчин. Рабы, убитые во время погребения воина, вероятно, были слугами у дружинников.

О погребении воина с рабынями говорят и Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров в статье «Древнейшая русская надпись».

В лесном могильнике в 1949 году Д. А. Авдусиным был раскопан большой курган с плоской вершиной. Об этом кургане в той же статье отмечается, что «особенно интересным оказался курган, в котором было найдено погребение с одной или, может быть, двумя рабынями. На глубине 1,45 метра обнаружили громадное кострище, состоявшее из мощного слоя мелкого угля. В толще кострища найдено свыше 200 различных предметов. В центре стоял большой глиняный сосуд, лепленный от руки. В нём находились жженые человеческие кости и различные предметы женского туалета. Недалеко от сосуда обнаружен воткнутый в землю меч, сломанный пополам... Вокруг меча также находились жженые человеческие кости».

В общем, приведенные данные свидетельствуют, что подневольные люди шли нередко в могилу вместе со своим умершим господином. Кроме женщин-рабынь, умерщвлялись и рабы-мужчины, а также лошади, нередко собаки и другие животные. Рабов и животных закалывали особыми жертвенными ножами (такие ножи обнаружены во время раскопок археологом Соколовым). Ножи имели форму штыка или клина. Эта форма очень удобна для закалывания животных.

Убитых рабов и животных сжигали несколько в стороне от труп умершего их хозяина: негоревшие кости рабов укладывали в горшки, а иногда просто оттаскивали в сторону от кострища вместе с случайно попавшими вещами и насыпали над ними небольшие холмики-курганы. В. И. Сизов утверждает, что «при этом животные не были сожжены, а бросались в потухающий костер убитыми после сожжения трупа человека». И несколько ниже: «Недалеке от большого кургана был раскопан другой курган. В нем был найден целый скелет лошади, слегка обгорелый».

Лошади играли большую роль в жизни воина. На них они отправлялись в поход за данью, на них они свозили дань в городище. Не случайно, что в могилах витязей почти всегда встречаются остатки костей лошади. Но далекое путешествие с товарами в другие страны воины-купцы совершали не на конях, а на ладьях. Для воина-купца ладья играла такое же значение, что и конь.

ПОГРЕБЕНИЕ ЗНАТИ В ЛАДЬЕ

В Гнёздовских курганах обнаружены погребения представителей воинов родовой знати в ладьях. В. И. Сизов, ссылаясь на исследования Д. Н. Анучина и А. А. Котляревского, а также на свидетельство Ибн-Фадлана, который дал прекрасное описание похорон знатного русса, совершенно справедливо указывает, что «употребление лодок для погребальных обрядов не составляет необычайного явления у скандинавских и у славянских народностей». Следы погребения в ладье в Гнёздовских курганах отмечаются и А. В. Арциховским.

Археологические материалы также подтверждают, что с течением времени ладья стала атрибутом купца-разбойника, как меч, копье, конь. И если с умершим клали копье, меч, коня, то почему было не отправить, по верованиям того времени, умершего на «тот свет» в ладье, на которой он совершал длительное и опасное путешествие во время своей жизни на земле?

В ряде раскопанных курганов найдено большое количество длинных гвоздей, заклепок; по всей вероятности, это остатки сожженной ладьи, в которую было положено тело умершего воина-купца. В одном кургане С. И. Сергеев обнаружил во время раскопок 234 железных заклепки (длинной преимущественно три сантиметра). Вероятно, к этому ассортименту принадлежат еще длинный гвоздь, четыре гвоздя мелких размеров, два коротких гвоздя с плоским острием, семь тонких и десять широких пробоев, кольцо с пробоем.

Обратил внимание на большое количество заклепок и гвоздей и Спицын, который замечает, что «в раскопках С. И. Сергеева выступили в значительном количестве остатки какой-то железной оковки в виде ажурных пластин, шпориц, заклепок, гвоздей... Естественнее всего предполагать, что это оковки сундуков, или укладок, но формы и размеры некоторых заклепок, повидному, говорят не в пользу такого предположения».

Еще решительнее Спицын подчеркивает назначение заклепок и гвоздей, как остатков от ладей, при описании курганов центрального могильника, где их было найдено много.

Много заклепок добыто в 1905 году И. С. Абрамовым в большом кургане на берегу Днепра.

Много металлических остатков от ладьи встречается в раскопках 1935 года. Серию ладейных заклепок обнаружил археолог Д. А. Авдусин в раскопанном кургане лесной группы. Котляревский видел след обычая хоронить умершего в ладье в известной легенде о великой княгине Ольге, приказавшей нести древлянских послов в ладье и бросить их вместе с ладьей

в заранее приготовленную яму, где они были затем похоронены заживо.

С ладьей мы встречаемся в житии Бориса и Глеба. Под соответствующей миниатюрой Сильвестровского списка прибавлено: «Глеба положища в лесе между дрема кладыша под навидом» (т. е. под лодкой), а на миниатюре нарисованы семь воинов, опрокидывающих ладью под Глебом.

Итак, на ладьях военно-родовая знать отвозила собранную дань в другие страны и привозила на родину заморские товары. Ладья играла важную роль в хозяйстве, но, кроме того, похороны в ладье имели культовое (религиозное) значение: «Хоронили в ладьях для того, чтобы погребаемый мог воспользоваться ладьей для отплытия в страну отцов (по их верованию), лежащую за морем», — пишет Котляревский в своей книге «Погребальные обычаи языческих славян».

ОРУЖИЕ ДРУЖИННИКОВ

Путь по многоводным рекам на ладьях, груженных товарами, был долог и опасен, на каждом шагу подстерегали враги, желающие воспользоваться богатством путников. Поэтому участники каравана должны были быть хорошо вооружены и уметь пользоваться оружием. Но оружие воинам-купцам было необходимо не только в путешествии: держать в подчинении местное население и собирать с него дань военно-родовая знать могла только с помощью оружия. Вот почему меч, копье, шлем, лук и стрелы являлись неотъемлемой частью принадлежностей воина-профессионала. Вот почему в курганах, где похоронены витязи, встречается много оружия. Часто встречающееся в больших курганах оружие лишней раз подтверждает, что основными обитателями Гнёздовского городища была военно-родовая знать. На вооружение воина большое значение оказывал Восток. Много оружия было закуплено знатью на Востоке, а несколько позднее восточные мечи и кольчуги явились образцами для местных ремесленников. В Гнёздовских курганах найдено около десятка мечей, причем некоторые из них восточно-арабского типа. Довольно много мечей местного производства и есть несколько мечей так называемого каролингского типа, то есть западные.

Описывая меч из Гнёздовского кургана, находящийся в Московском историческом музее, Сизов отмечает, что он «довольно большого размера, как и остальные найденные мечи. Длина достигает до 99 сантиметров, ширина клинка до 6,5 сантиметра. Особенность формы клинка этих мечей заключается в том, что весьма широкий клинок своими краями представляет

7
мечей
мун и
гвардии

две параллельные линии, которые сводятся круто в острие лишь при самом конце. Посредние клинка обыкновенно идет широкая ложбина. Рукоять состоит из перекладина, стержня и набалдашника».

Подобные мечи были найдены В. И. Сизовым, С. И. Сергеевым, И. С. Абрамовым во время раскопок 1935 года, экспедицией Смоленского областного музея и археологом Д. А. Авдусиным во время раскопок 1949 и 1950 годов. Довольно хорошо сохранившийся меч так называемого каролингского типа найден в кургане лесной группы. Интересна рукоятка меча: она украшена резьбой, вырезами и серебряной насечкой. Подобный же меч был найден Авдусиным и в другом кургане. Вместе с мечом было найдено большое количество всевозможных украшений.

Хорошо сохранившийся меч Авдусин откопал и в большом кургане центральной группы могильника.

Кроме мечей, в курганах лесного могильника были найдены три боевых топора.

О происхождении мечей у славян есть много теорий. В конце XIX века в Одессе происходил археологический съезд. На этом съезде Д. Н. Анучин прочитал реферат «О некоторых формах древнерусских мечей». Анучин указал, что родиной меча был Восток. Произошел меч от удлиненного кинжала. Эту форму мечей заимствовали скифы, но у скифов мечи были короткие, с длинными рукоятками; от скифов мечи заимствовали славяне, но несколько изменив их форму. Ссылаясь на Ибн-Фадлана, Анучин указывает, что «руссы с собой носили секиру, нож и меч... они широки и работы франкской...». Дальше Анучин пишет, что «мечи эти широкие и волнообразные, украшены с одной стороны фигурными рисунками». В том же реферате Анучин указывает, что наряду с славянскими мечами, заимствованными на Востоке, встречались норманские мечи и как пример, он берет меч, найденный Куцинским в Гнёздове, и меч, найденный Самоквасовым в Гульбище, около Чернигова.

Мнение о том, что в Гнёздове мечи норманского происхождения, разделялось Спицыным и рядом других археологов. Действительно, некоторые из найденных мечей могли быть куплены, но только не у норманов, а в Западной Европе.

Однако делать из этого вывод, что в Гнёздове не было своего производства оружия, а все вооружение было где-то закуплено, нельзя. Совершенно справедливо возражает археологам-норманистам А. В. Арциховский. В статье «Русская дружина по археологическим данным» он указывает, что сами норманы в IX—X веках ввозили из Германии и Франции ме-

чи, которые нередко оттуда и попадали к русским. «Эти мечи, называемые у оружейников каролингскими, были одинаково распространены по всей Европе. Набалдашник такого меча обыкновенно полукруглый, часто при этом разделенный на три доли, иногда треугольный, иногда пятиугольный. Крестовина прямая, то и другое покрыто серебряной насечкой, Самый меч массивен, свыше 90 сантиметром длин».

Подобный меч был найден в 1935 году в Заольшанском могильнике и хранится в Смоленском историческом музее. Такова форма и меча, найденного Д. А. Авдусиным, выставленного в витрине этого же музея.

Молодой ученый Б. Колчин в диссертации «Черная металлургия и металлообработка в древней Руси» доказал при помощи спектрального анализа, что мечи, в частности гнёздовские, были сделаны из местной руды местными кузнецами. «Эти мечи, — поясняет Б. А. Рыбаков в статье «Ремесло», — делались из тонких полос, свариваемых вместе, из проволочных, сильно прокованных плетущек; эти железные полосы по краям скрывались сталью. Иногда сталью прославивались железные полосы, и все это сваривалось ковкой при температуре красного каления. Лезвие клинка получало после такой обработки своеобразный волнистый узор. После горячейковки сталь подвергалась закалке в воде или же в струе воздуха».

Б. Колчин тщательно исследовал оборудование и инструменты кузнicy. Из оборудования славянская кузница того времени имела горн, воздуходувные меха и все необходимые горновые принадлежности. Инструмент кузнicy состоял из наковален, молотов, молотков-ручников, клещей, разнообразных видов зубил, напильников, штампов, гвоздиль, пробойников. Ковка, сварка, обточка, резка, полировка, пайка — все это было известно ремесленникам Гнёздова.

Боевых топоров в Гнёздове найдено немного. Особенно типичен боевой топор, найденный археологом Авдусиным в кургане лесного могильника. Местные мастера делали боевой топор следующим образом:

«Изготавливались две полосы равных размеров, между которыми вставляли вкладыш (перпендикулярно длине полос), а затем полосы по обе стороны вкладыша сваривались ковкой, с одной стороны получалось лезвие топора, а с другой — или молот или клевец. Боевой топорик насаживался на длинную деревянную рукоятку и в рукопашном бою служил для ударов по шлему», — отмечается в работе Б. А. Рыбакова «Ремесло».

Кроме мечей и топоров, найдено довольно большое количество питовых блях, или умбонов. Это говорит о том, что

Предметы вооружения, обнаруженные С. И. Сергеевым в Гнёздовских курганах в 1898—1901 годах.

1. Железное шило. 2. Круглое железное шило. 3. Трехгранный наконечник стрелы. 4. Плоский наконечник копья. 5. Наконечник охотничьей стрелы. 6. Наконечник боевой стрелы. 7. Наконечник боевого копья. 8. Меч. 9. Короткий железный обоюдоострый меч. 10. Типичный для Гнёздова боевой меч.

щиты были в большом употреблении у жителей Гнёздова. Разыскано несколько шлемов. Лучше других сохранился шлем, найденный С. И. Сергеевым в большом кургане центрального Гнёздовского могильника. По форме своей он подходит более к обычному шлему древнерусских шлемов.

Б. А. Рыбаков описывает в статье «Ремесло» изготовление шлемов. «Шлемы склепывались из нескольких широких железных клиньев, железными же заклепками. Для прочности иногда на шлем накладывалась полоса железа с ребристым выступом посередине и своеобразным кружевным узором».

Вот образец одного из найденных в Гнёздове шлемов. В 1901 году С. И. Сергеев нашел «шлем из двух половинок, прибитых к скрепе частыми мелкими заклепками, высокий, по краю широкая зубчатая кайма для бармицы».

Такой же шлем был обнаружен В. И. Сизовым при раскопках большого кургана в 1885 году. Такие шлемы на Руси называли шишаками.

В другом кургане Сергеев обнаружил тоже хорошо сохранившийся шлем, который лежал шишаком вверх и имел вытянутую форму. О местном производстве гнёздовского шлема свидетельствует орнамент его, встречающийся еще на разных подзорах крестьянских домов в смоленских окрестностях. Возле шлемов обычно находят бармицу — кольчужную завесу. Она прикреплялась к шлему посредством колец. Бармица предохраняла шею от сабельных ударов и стрел. Нижняя ниспадающая на плечи кольчужная завеса оторачивалась медными кольцами. В Гнёздове найдены остатки кольчуги. Последняя составляет отличительную особенность русского вооружения от вооружения воинов стран Западной Европы, куда кольчуги проникли гораздо позднее. Кольчуги были заимствованы довольно рано на Востоке и в IX веке уже широко развилось их местное производство. Местные мастера изготовляли кольчуги, как отмечается в указанной выше статье Б. А. Рыбакова, следующим образом: «Раскаленный кусок проволоки длиной в 2—4 сантиметра сгибался в кольцо и защемлялся за соседние уже готовые кольца и затем зажимался щипцами... Для большей прочности в каждом кольце проволоочки проделывали иногда отверстие и, согнув проволочку в кольцо, вставляли в отверстие маленькую заклепку и заклепывали кольцо молотком».

Подобные кольчуги были найдены Сергеевым в четырех курганах центрального могильника.

В курганах Гнёздовского и Ольшанского могильников найдено очень много стрел. Лук и стрелы были исконным и обычным оружием жителей Гнёздова и изготовлялись на месте.

раскопаны в 1885 году

В Гнёздове стрелы встречались трех видов: стрелы, у которых железные наконечники были плоской ромбической формы, господствующей в то время на Руси. Эти стрелы укреплялись на древке посредством стержня, на котором делались нарезки, насечки для прочности, — это были боевые стрелы. Был и другой вид боевых стрел: наконечники у них четырехугольные или трехгранные с желобками по краям. Подобные стрелы назывались броневойными, так как могли пробить кольчугу. И, наконец, охотничьи стрелы — они имели вид широкой вилки из двух зубцов.

Следует отметить, что все стрелы снабжены черенками, а не втулками. Д. А. Авдусин обнаружил только одну стрелу со втулкой. Подобные стрелы были найдены Соколовым и Сергеевым.

Наконечников копий и колчанов для стрел в Гнёздове найдено мало.

В общем, дружинники Гнёздова были настоящие профессиональные воины и ничем не уступали по вооружению своим западным современникам. Большинство найденного оружия — местного производства.

ТОРГОВЛЯ С АРАБАМИ И ГРЕКАМИ

Кроме оружия, в курганах воинов находят много предметов, связанных с торговлей. Это опять-таки ясно показывает, что воины были и купцами, а их товары добывались путем грабежа местного населения, живущего в окрестностях Гнёздова.

Из найденных предметов торговли прежде всего следует отметить обнаруженные Сергеевым карманные весы с бронзовыми чашечками, с бронзовым футляром и складывающимся коромыслом. Весы предназначались для взвешивания иноземных монет или частей их. Пружинные весы были найдены Д. А. Авдусиным при раскопках в 1950 году в кургане лесного могильника.

О богатстве и торговом характере жителей Гнёздовского городища говорят клады и находки монет византийского и арабского происхождения.

В 1868 году при прокладке железной дороги в Гнёздове был найден знаменитый клад. Часть его из 108 предметов хранится в Эрмитаже в Ленинграде, а другая — в Историческом музее в Москве. Среди вещей этого клада в Эрмитаже есть две сассанидских диргема (название арабской монеты) 532 и 595 годов, восемь саманидских 908 — 953 годов. В Москве хранятся пять диргем с ушками, одна сассанидская монета,

«Торг у древних славян». С картины С. Иванова.

одна англосаксонская, одна византийская времен Константина и Ирины. Из вещей этого клада замечательны две серебряные шейные гривны (украшение, сделанное из проволоки в виде ожерелья), кованные на восемь граней, с наколками, с гранеными пуговицами, три витых гривны, одна гривна особенно больших размеров (30 сантиметров) в поперечнике.

Особый интерес представляет найденный нагрудный металлический кошель, называющийся «Капторга». Три застежки его украшены бычьими головками.

В 1885 году в Гнёздове найден второй клад. Он состоял из 118 куфических диргем (монет) IX и X веков (абасидских, бувейдидских, саманидских). Кроме диргем, были найдены остатки ожерелья и лунниц, семь обручей.

В 1909 году при телеграфных работах невдалеке от Гнёздовского городища был вновь найден клад. В числе других вещей было много куфических монет IX — X веков. Диргем IX—X веков найдено много и помимо кладов в курганах Гнёздовского могильника. Только раскопки 1935 и 1950 годов дали несколько десятков диргем (полных и в обломках). Найденные диргемы были определены как арабские, относящиеся к IX и началу X века. Одна из них с именем халифа Мамуна чеканена в Самарканде в 209 году (824 году нашего летоисчисления).

Много диргем найдено с ушками. Вероятно, они служили в качестве украшений — подвесков. Все это свидетельствует об оживленной торговле жителей Гнёздова с арабами.

Византийских монет найдено мало. Одна бронзовая монета VI века найдена в кладе 1868 года, а другая — бронзовая — в кургане Лесного могильника, но с ушками. Эти монеты дают нам возможность установить ранний период возникновения Гнёздовского могильника. Кроме этого, в 1940 году был найден золотой византийский солид (монета) императора Александра (912—913 годы). Другая золотая византийская монета времени императора Феофила (829—842 годы) была найдена Д. А. Авдусиным в 1950 году в раскопанном им кургане лесного могильника.

Как отмечает Сизов, торговля с Византией вначале велась довольно слабо. Вероятно, главные торговые сношения в IX веке велись через страну волжских болгар, путем волжским в Каму или Пермский край, вниз по Волге к Каспию и Кавказу, в Азию, а также и на север к Балтийскому морю.

Широкий размах торговли, главным образом с восточными странами, подтверждают не только найденные в большом количестве диргемы, но и другие предметы. При раскопках больших курганов Сизов, Сергеев, Абрамов находили золотые ни-

Лампочка Куцинского и типы урн, обнаруженных в курганах.

ти от парчи, привозимой из Византии, всевозможные украшения — пряжки, булавки, бронзовые бляхи, перстни, кольца, подковообразные фибулы, бусы синие, прозрачные, посуду разного рода.

Особенно надо отметить бронзовую лампочку, найденную Куциным в Гнёздове на куче пережженных костей вместе с другими бронзовыми украшениями. Эта лампочка с двумя рожками — широким для светильника и узким для наливки масла — имеет вид женской головы. В каждой ноздре вставлено по бирюзе — подражание жемчугам, встречающимся в Индии. Нос с горбинкой, глаза инкрустированные, волосы выпущены узкой полосой на лбу, расчесаны на обе стороны и спрятаны в узкий чепец. Находя тип женского лица и лампочки восточными, Сизов предполагает, что лампочка была сделана в Персии.

Точно так же к изделиям, завезенным с Востока, следует отнести поливное блюдо с изображением дракона, найденное Сизовым в большом кургане центрального Гнёздовского могильника. Предметы, привозимые с Востока, удовлетворяли потребности военно-родовой знати. Они были необходимы для угнетения масс (оружие), или предметы, необходимые для торговли (весы, гири), или предметы для хранения ценностей (шкатулки, ключи и висячие замки), или предметы роскоши (бронзовые лампочки, парчевые ткани, расписная посуда, фибулы, блестящие украшения).

МЕСТНОЕ РЕМЕСЛО

Но наряду с привозными товарами в курганах Гнёздова часто встречаются предметы, изготовленные местными ремесленниками. Их изделиями пользовалась не только военная знать, но и все кривичи.

Приготовление из металла различного оружия и орудий было широко распространено в Гнёздове. Так, например, при раскопках городища были найдены запасы болотной руды, крицы, шлаки, кузнечные молоты, клещи, железные шлаки, тигли для плавки металла и кусок выплавленной меди.

Из металла местные ремесленники готовили железные кресала, обручи и дужки для ушатов, серпы, косы, шилья, лопаты, цепи, дверные пробой, железные кольца от поясов и от сбруи, удила, остроги и знаменитые русские замки, железные скобки для связывания отдельных частей лады, гвозди, оружие — мечи, копья, боевые топоры, шлемы, кольчуги, щиты, стрелы, ножи.

Ножи в Гнёздове встречаются самой различной формы,

но чаще всего бывает, что черенок длиннее самого клинка, который вдобавок еще узкий, — это так называемый сапожный нож. Встречаются ножи с широким лезвием и коротким черенком, употребляемые в домашней работе. Изредка встречались охотничьи ножи с длинным лезвием. Как правило, ножи имели стальные лезвия. Вообще гнёздовские ножи, в зависимости от назначения, отличаются малыми размерами.

В мастерской ремесленника.

Найдены и трехгранные ножи с длинной рукояткой. Таким ножом можно было только колоть. Вероятно, это был боевой нож. К типу боевого ножа принадлежит нож обоюдоострый, с широким лезвием и длинной рукояткой. Затем найдены предметы домашнего обихода, железные топоры, железные стамески, замки, железные ключи, ларчики для хранения денег и других ценностей, котлы железные, котлы медные, бронзовые удила и железные стремена и бронзовые рыболовные крючки, железные плоские кольца, иглы, дужки от ведра, шилья.

Наконец, обнаружены металлические украшения: браслеты, кольца, бусы, фибулы с орнаментом, железные шейные гребни, бляшки круглые, частью бронзовые, частью серебряные, с чернью и изображением звездочек. Все эти бляшки принадлежат набору конской сбруи. Находили также запасы болотной руды и железные шлаки. Это говорит о том, что в VIII—IX—X веках в Гнёздове хорошо было развито местное металлургическое производство, обслуживающее воинов, купцов, их домашний быт, а также скотоводство, рыболовство и охоту.

Почти не найдено в курганах предметов, связанных с сельским хозяйством, а потому Сизов делал очень неправильный вывод, что жители Гнёздова не занимались сельским хозяйством. Однако нельзя забывать, что жителями центрального Гнёздовского городища в VIII и IX веках были воины-купцы, отчасти ремесленники. Кроме походов и торговли, они на досуге занимались рыбной ловлей и охотой, а их челядь занималась домашним ремеслом. Сельским хозяйством занимались жители селищ, разбросанных вокруг городища. К